

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 316.77:070(91)

doi 10.17072/2073-6681-2024-2-166-173

EDN TJGGLH

**Три Петербурга. Городское пространство
в ролевых репортажных очерках Н. Н. Животова****Анастасия Олеговна Черановская****аспирант, преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций****Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. CheranoskayaA@yandex.ru

SPIN-код: 6560-9910

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2926-5427>

ResearcherID: JMR-3949-2023

*Статья поступила в редакцию 13.11.2023**Одобрена после рецензирования 17.12.2023**Принята к публикации 11.01.2024***Информация для цитирования**

Черановская А. О. Три Петербурга. Городское пространство в ролевых репортажных очерках Н. Н. Животова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 2. С. 166–173. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-166-173. EDN TJGGLH

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация образа Петербурга в журналистских текстах Н. Н. Животова – публициста и писателя конца XIX в. Материалом исследования послужили ролевые репортажные очерки из цикла «Петербургские профили». В них автор знакомит читателя с городской повседневностью: маргинальными профессиями и пространствами Петербурга. Методика работы основывается, с одной стороны, на традиции изучения петербургского текста, с другой стороны – на исследованиях городской журналистики. Предпринимается попытка обозначить жанровое своеобразие рассматриваемых текстов, обосновывается их принадлежность к жанрам журналистики городских исследований. В текстах выделяется три модуса восприятия города: географический, социальный, символический. Географическое пространство выражается в точности изображения города, широком использовании официальной и народной топонимики. Петербург представлен как концентрически организованный город: его центральная часть относится к его «идеальному» воплощению, периферия – к «реальному». Социальное пространство города конструируется за счет изменения субъектом повествования социальной роли. Оптика восприятия формирует дополнительную вертикальную ось города. Портретируемые типы не имеют четкой привязки к пространству центра или периферии города, их перемещения между «реальным» и «идеальным» Петербургом обусловлены сменой социальной роли. Символическое пространство Петербурга представлено мотивом долголетия героев «реального» города, который может быть рассмотрен в качестве реализации эсхатологического мифа Петербурга. Выделение трех аспектов в конструировании образа города позволяет получить представление о стратегиях нарративизации пространства северной столицы горожанином конца XIX в.

Ключевые слова: Н. Н. Животов; образ города; петербургский текст; городской текст; журналистика городских исследований; городская журналистика.

Статья посвящена конструированию образа города в журналистском творчестве Н. Н. Животова. Колоритный журналист-газетчик конца XIX в., популярный среди современников, но почти забытый ныне, он был новатором в разработке жанра ролевых репортажных очерков¹ о жизни городских низов и внес тем самым существенный вклад в формирование образа Петербурга. Его очерки «На извозчичьих козлах. Шестидневное интервью в роли извозчика» (1894), «Среди бродяжек. Шестидневное интервью в роли оборванца» (1894), «Среди факельщиков. Шесть дней в роли факельщика» (1895), «Среди шестерок. Шесть дней в роли официанта» (1895) открывали читателю увиденные и пережитые автором изнутри места и образ жизни обитателей маргинальных зон северной столицы. Анализируя эти очерки, мы попробуем выявить особенности восприятия Петербурга горожанами в трех аспектах: собственно географическом, социальном и символическом. Опираясь на методологию, разработанную исследователями петербургского текста, мы намеренно обращаемся к произведениям массового чтения, которые позволяют реконструировать представления о городе среди широких читательских масс.

Наш интерес к теме повседневных практик структурирования городского пространства обусловлен актуализировавшимся в 2010-е гг. в отечественной гуманитаристике вниманием к городу как феномену культуры. Отметим «Производство пространства» А. Лефевра, антропологическое исследование Сета М. Лоу «Пласа: политика общественного пространства и культуры», работу К. Линча «Образ города», посвященную социально-психологическому восприятию города. И если исследователи сосредоточены на осмыслении городского пространства вообще, то горожане прежде всего пытаются «присвоить пространство», символически включить город в свою жизнь. Попытку осмысления окружающего пространства В. В. Абашев предлагает называть стратегией приватизирующей нарративизации городского пространства [Абашев 2019: 188]. Поэтому, обращаясь к автору конца XIX в., мы имеем в виду и историческую перспективу его журналистского исследования города.

Основой для реализации индивидуально-личностных стратегий освоения города часто оказываются исторически обусловленные схемы его восприятия. Они же формировались классическими филологическими исследованиями, посвященными городскому тексту, то есть «комплексу образов (концептов), мотивов, сюжетов, который воплощает авторскую модель городского бы-

тия...» [Шмидт 2007: 2] (Ю. М. Лотман «Символика Петербурга и проблемы семиотики города», В. Н. Топоров «Петербургский текст русской культуры», В. В. Абашев «Пермь как текст»).

Вместе с тем исследователи сосредоточивают внимание, как правило, на модели городского бытия в произведениях авторов литературного канона. Едва ли в «Петербургском тексте русской культуры» мы отыщем фамилии писателей третьего ряда, тем более – журналистов и публицистов, однако взгляд массового писателя на город, как видится, воплощает представления большинства жителей о сущности его пространства, что привлекает исследовательское внимание. К числу таких авторов относится рассматриваемый нами Животов. Описанные в его журналистском творчестве городские практики освоения пространства позволяют выявить характерную для повседневности пространственно-социальную структуризацию города XIX в.

Обращение к автору «третьего ряда» вызвано также необходимостью расширять наши представления о литературном процессе в России XIX–XX вв., изучение которого до сих пор отличается избирательностью. И здесь не без сожаления стоит отметить, что пока издатели в качестве акторов литературного поля опережают исследователей. Анализируя возможности читательского спроса и коммерческого успеха, современные отечественные издатели активно обращаются к забытым архивам российской словесности. Характерный пример – антология «Непарадный Петербург в очерках дореволюционных писателей» (2021 г.). Здесь собраны и сопровождаются добротными комментариями очерки забытых журналистов и писателей Н. Свешникова, Н. Карачевского, А. Бахтиярова и Вс. Крестовского. В этом ряду особое внимание привлекают колоритные очерки Животова. Вообще, можно заметить, что издатели проявляют повышенный интерес к его творчеству: переиздан роман «Убийца» (АСТ, 2018 г.), в популярном аудиоформате вышел роман «Макарка-душегуб» (ИДДК, 2023 г.).

Этот интерес не случаен. Николай Николаевич Животов (1858–1900) пользовался популярностью у читателей своего времени и как газетчик, и как писатель, чье творчество было неразрывно связано с опытом работы в газете. Его журналистский путь говорит о широкой востребованности Животова как автора и редактора. С начала 1880-х гг. Животов работал в газетах «Новости и биржевая газета», «День», Петербургский листок», «Петербургская газета», «Свет», он был редактором «Вестника Российского общества покровительства животным»

(1886–1888), издателем-редактором иллюстрированного еженедельного журнала «Звезда» (1897–1900). Его перу принадлежали популярные у читателя очерки о жизни священнослужителей, портреты известных личностей Санкт-Петербурга, а городские репортажи служили порой в его творчестве материалом для криминальных романов. Все эти произведения, несмотря на их жанровое разнообразие, тематически довольно однородны, а потому, как мы полагаем, могут в дальнейшем быть рассмотрены как единый комплекс текстов городской тематики.

И творчество Н. Н. Животова, и его личность практически не изучены. Основные биобиблиографические сведения о нем собрал А. И. Рейтблат, один из немногих отечественных исследователей массового литературного процесса [Рейтблат 1992: 268]. Краткое описание деятельности публициста и его цикла «Петербургские профили» есть также в статье Е. С. Сониной с симптоматичным названием «Забытые авторы журналистских расследований России конца XIX – начала XX вв.» [Сонина 2016: 217].

В настоящей статье, как уже было сказано, мы сосредоточим внимание на репрезентации города в новаторских ролевых репортажных очерках Животова. В них автор не просто предлагает читателю зарисовки быта низовых социальных групп, но и является субъектом восприятия пространства Петербурга, примеряя на себя социальные роли персонажей собственных очерков. Он выступает как исследователь городского пространства. Но если в более ранней городской очеркистике, например в «Физиологии Петербурга» (1844–1845), проблемы городской жизни только фиксировались, то Животов в очерках предлагает пути их решения. По всей видимости, его творчество представляет собой один из первых образцов журналистики городских исследований², закрепившейся в истории русской публицистики только в XX в., нашедшей яркое воплощение в творчестве М. Кольцова.

В настоящей работе мы избираем для анализа лишь один – пространственный – аспект городских исследований Животова, подходя к нему, во-первых, в перспективе городской журналистики, актуальной для самых разных научных дисциплин, во-вторых, в рамках традиции исследований петербургского текста. Мы сосредоточим внимание на стратификации городского пространства в очерках-репортажах Животова.

Говоря о репрезентации **географического пространства** Петербурга, мы отмечаем точность его представления, что естественно для журналистского текста. В текстах мы обнаружи-

ваем широкий спектр топонимов, отсылающих читателей как к официальным, так и к народным общеупотребительным названиям улиц и районов Петербурга. Читатель очерка – житель города – может представить себе те пространства, которые исследуются Животовым. Автор выбирает территориальный принцип описания города и человеческих типов, принадлежащих конкретным его локациям: *Первый день своего интервью я посвятил Обводному каналу с его чайными, кабаками, ночлежными приютами. Второй день – Лиговка, ночлежный дом Общества благотворителей и чайная Общества трезвости. Третий день – Сенная, Таиров переулочек, Никольская площадь. Четвертый день – Выборгская сторона и Петербургская* [Животов 1894б: 46].

Так формируется важная для понимания очерков Животова категория **Места**. Место мыслится не только как категория физического пространства, но и как категория пространства социального. Сама семантика слова подталкивает автора к этому слиянию смыслов. Местом служения определяется внешний облик горожанина, нормы поведения, ощущение его в городском пространстве: *Как только я поехал по улице на извозничьих козлах, я сразу почувствовал себя лишённым почти всех прав состояния!* [Животов 1894а: 3]. Вместе с тем Место не обладает символическим капиталом «своего» пространства, поскольку Места служения и иные пространства парадной части города оказываются легко отчуждаемыми для описываемых социальных категорий. Вытеснение героя из Места, его потеря приравнена к социальной смерти: *Потерял место – и всё потерял, пока не найдет новое место* [Животов 1894б: 73].

Это отчуждение существенной части города формирует неоднородность в конструировании Петербурга. Так, местом обитания бродяжек, людей, лишенных Места, оказываются пространства, находящиеся в удалении от центра: острова, каналы. Они формируют лиминальное пространство границ города: *Я столкнулся с ним у Московской заставы, и мы вместе ходили к «Рогатке» – версты две за заставой, где находится один из притоков «загородных», т. е. бродяжек, не имеющих право жить в столице и ютящихся на границе* [там же: 64]. Самыми описываемыми локусами в очерках Животова становятся Лиговка и Обводный канал. Последний оказывается местом концентрации маргиналов. Это пространство, доступное для вхождения только «своим»: бродяжкам, извозчикам и пр.: *С такими мыслями дошел я до скрещения Лиговки с Обводным каналом, где Лиговка перестает носить*

честное название улицы-бульвара и превращается в вонючий канал... Тут я вздохнул свободнее, почувствовал себя как рыба в воде <...> Тут наш квартал, квартал оборванцев, пропойцев и бесприютных бродяжек. Мы встречаемся тут друг с другом без антагонизма [Животов 1894б: 47]. Площади и переулки, трактиры принадлежат прежде всего представителям тех «черных» профессий, которых портретирует автор. Это пространства сомкнутые, самовоспроизводящиеся, словно зацикленные на себе.

Другой тип пространств, противопоставленный окраинам города, – парадные пространства. Они принадлежат в равной степени жителям центра Петербурга и служащим, обеспечивающим функционирование этой части города, однако центр оказывается недоступным для служащих окраин и для бродяжек. При этом роль «привратников» берут на себя сами служащие: *По Невскому проспекту, Морской улице и другим людным местам дворники не только ворчали меня с криком: «Вон, рвань!», но нередко «травили», то есть гнали с кулаками, заставляя бежать от греха* [Животов 1894б: 48]. «Парадные» пространства – это пространства открытые: бульвары, проспекты, улицы. Между пространствами сомкнутыми и разомкнутыми пролегает символическая граница.

Городские типы, описываемые Животовым, формируют **социальное пространство** столицы. Если представления о локализации разных социальных категорий требуют деконструкции, то концепция «двух Петербургов», на первый взгляд, предстает перед читателем в виде сложившегося мифа, описанного Ю. М. Лотманом: «Театральность петербургского пространства сказывалась в отчетливом разделении его на “сценическую” и “закулисную” части, постоянное сознание присутствия зрителя и, что особенно важно, замены существования “как бы существованием”, зритель постоянно присутствует, но для участников сценического действия “как бы не существует” – замечать его присутствие означает нарушать правила игры» [Лотман 2002: 216].

Животов воспроизводит миф о Петербурге сценическом, парадном и закулисном, непарадном, используя устойчивые языковые конструкции: *Мне предстояло ознакомиться с закулисной внутренней стороной жизни бродяжек»; «Да, среди бродяжек много жизни гораздо более интересной, чем мы видим на театральной сцене, в гостиных знакомых, в салонах, клубах и собраниях! И эта жизнь стоит наблюдения, но наблюдения не в монокль или с высоты бельэтажа <...> Вот почему только в роли обо-*

рванца можно сойтись с бродяжками как с людьми и увидеть близко их жизнь [Животов 1894б: 43]. Автор стремится нарушить правила игры, сделав предметом описания не жизнь сцены, но жизнь закулисы.

Уже в этом нарушении правил можно наблюдать преодоление разрыва столичного двоемрия, а вместе с ним и попытку демифологизации Петербурга. «Сценическое пространство» города определяется не столько его локализацией, сколько статусом осваивающего город: *Как только мы завернули за угол Садовой – физиономия благоустроенной столицы, первоклассного европейского города исчезла бесследно, и мы очутились в какой-то глухой провинциальной фабрично-ремесленной слободке <...> Трудно себе представить что-либо подобное в центре столицы* [Непарадный Петербург... 2022: 83].

По-видимому, пространство Петербурга простирается не только в горизонтальной плоскости, от центра к окраине, но и в вертикальной. Путь от Невского проспекта до набережной Обводного канала – это не путь от ядра города к периферии, но путь сверху вниз: *Он спускался года четыре, пока дошел до набережной Обводного канала и, по-видимому, возврата ему нет. Будущее его мрачно*. Говорят об этом и другие метафоры «погружения»: *«И вот случай толкнул его со мной как раз в то время, когда он только что погрузился в омут трущобы* [Животов 1894б: 75]. Так формируется двухмерное представление о городе.

Вместе с тем в зависимости от положения в городе автора пространство изменяется: не место конструирует модель его репрезентации, а фокус восприятия места детерминирует его. Важным становится не само пространство, но субъект его восприятия и его социальный статус. Так, например, Невский проспект, принадлежащий Петербургу идеальному, европейскому, в восприятии извозчика предстает иным: *Довольно-таки безобразную картину представляет Невский проспект ночью, с высоты извозчичьих козел! Остановившись против Гостиного двора, я стал наблюдать. Было совсем светло... Народ двигался беспрерывной волной, но что это за народ?! Почти исключительно «отравленные», с бессмысленными взорами, нетвёрдыми шагами, дикими выходками, неприличными телодвижениями, непристойными окликами...* [Животов 1894а: 14].

Об этом двоемирии говорят и дублирующие друг друга названия, предназначенные для разных социальных групп. Например, Животов описывает случай Дерябинских казарм, которые, с одной стороны, включены в жизнь идеального

города, с другой стороны – являются пристанищем маргинальных групп: ...*Действительно, «Дерябинские казармы» бродяжек не имеют ровно ничего общего с «Дерябинскими казармами» флотского экипажа. ... Первые находятся на Большом проспекте против строящейся новой церкви, а последние – на самом берегу залива в конце Большого проспекта* [Животов 1894б: 83].

Таким образом, в ролевых репортажах Петербург приобретает социальное измерение, которое позволяет сосуществовать в одних и тех же пространствах группам, принадлежащим к разным городам: Петербургу реальному и идеальному, однако границы эти размыты, а два города оказываются в тесной связи друг с другом. Как видим, внутреннее устройство границ города оказывается несколько шире, чем нарочито стремится показать Животов, прибегая к мифу о «двух» столицах, поскольку локация города оказываются не изолированы.

Проницаемость границ достигается вспомогательными методами. При вхождении в «иное» пространство основным становится мотив переодевания, маскарада: *Я достал старые дырявые тиковые шаровары, такую же рубашку, весь в дырах засаленный сюртучишко, опорки без подошв, портянки... В таком наряде, подмазав физиономию и надвинув ветхий картуз с разъехавшимся козырьком на глаза, вышел из своей квартиры по чёрной лестнице...* [Животов 1894б: 43]. При этом пересечении символической границы возможно в обе стороны: как автор очерков может спуститься в мир бродяжек, сменив костюм, так и герой очерков оказывается вхожим в пространство идеального Петербурга: *Петька-игрок – «шестерка» хорошего ресторана. Степенен, во фраке, с курчавой шевелюрой. Днём гуляет на Невском в цилиндре, перчатках, коротком пальто и с тросточкой* [Непарадный Петербург... 2022: 73]. Так, важнейшим инструментом перехода из одного пространства в другое становится облик героя очерка, а ведущим мотивов перехода – мотив переодевания. По-видимому, одежда помогает преодолеть не только социальный, но и символический разрыв, приобретает миромоделирующую роль для жителя столицы.

Символическое пространство города представлено в очерках имплицитно. Предлагая читателю миф о двоимирии Петербурга, автор конструирует собственную модель репрезентации городского пространства. Мы уже говорили о том, что путь от идеального города к реальному видится как вертикаль. Стимулом падения, как правило, является лишение Места, отчуждение

пространства, но причины такого отчуждения часто оказываются связаны с болезнью: *Не успеет найти место, послужить, заработать 10–15 рублей, его отправляют в больницу. Вышел с больницы – поиски места...* [Животов 1894б: 76]. Болезнь оказывается маркером перехода в иное состояние и инопространство. Так реализуется миф об эсхатологичности Петербурга, предложенный В. Н. Топоровым: «Эсхатологичность Петербурга сама по себе если и не предполагает с необходимостью, то в сильной степени способствует не только связи с темой смерти, гибели, но и с образами носителей этого гибельного начала, насельниками темного пространства смерти, преисподней или посланцами этого царства, носителями его духа...» [Топоров 2003: 45].

Тем более странным, на первый взгляд, кажется конструируемый Животовым миф о здоровье и долголетию бродяжек и рабочих: *Извозчик так зарос грязью и вонью, что он ко всему не чувствителен и не признаёт ни жары, ни холода, не знает ни простуды, ни заразы; от него всё – как горох об стену...* [Животов 1894а: 9], или *...здоровье его богатырское. Он в мороз и жару одинаково может спать на сквозном ветру, ходить в мокрой одежде, есть и пить что угодно и когда угодно* [там же: 23], или *Иногда бродяжки сами тяготятся своим долголетием и недавно ещё 89-летний старичок бродяжка повесился, а старушка 82-х лет выбросилась из окна* [Животов 1894б: 61]. По-видимому, оказавшись в пограничном пространстве, потеряв человеческий облик, герои очерков теряют доступ не только к идеальному городу, но и вообще к миру живых.

Настойчивый мотив загробной жизни Петербурга реализуется как в прямых описаниях: *Те, кому приходится жить в гробовых мастерских, охотно спят в запасных гробах* [Непарадный Петербург... 2022: 89], так и в косвенных признаках, прежде всего в утрате человеческого облика. Например, Животов детально описывает искажённую внешность героев: *Представьте себе толпу в 250–300 человек пропившихся оборванцев в возрасте от 16 до 80 лет <...> Кривые, с провалившимися носами, подбитыми скулами, вырванными клоками бороды <...> У одного рот настолько ушёл в сторону, что он может доставать языком кончик уха; а у другого оторвало где-то всю верхнюю губу. Не подумайте, что все это «калеки». Вовсе нет. Они не обращают малейшего внимания на подобные пустилки и так привыкли ко всяческим «изъянам», что не замечают своего уродства* [там же: 87]. Утрата связи с Богом находится в тесной связке с

утратой человеческого облика: *У извозчика нет ни угла, ни кола, ни даже иконы, а «ложге» его – общественное ИЛИ Никто не умывался, не здоровался и не перекрестил лоб* [Животов 1894а: 26]. Так, лишение минимальных бытовых удобств, по мысли Животова, ведет к утрате принадлежности к городу, к утрате норм культуры, а затем и к утрате веры.

Петербург оказывается городом святок, городом, в котором наравне с живыми людьми существуют нелюди – покойники. При этом важно, что таковыми их делает само городское пространство. В апокалиптической по колориту картине возвращения бродяжек в город вновь можно проследить реализацию эсхатологического мифа Петербурга: *...Стойте и любуйтесь... Вы увидите целое полчище медленно движущихся бродяжек... Тут есть пожилые и совсем юные, есть старики и дети... Все ободранные, полуногие, в лохмотьях, некоторые убогие, с обезображенными лицами, с такими физическими недостатками, которые вызывают ужас и отвращение, раньше сожаления и сострадания. Всё полчище – голодное, измученное, изнуренное, истомленное. Некоторые 2–3 дня уже не ели и едва двигаются...*

Куда же все они двигаются?

– **В столицу** [Животов 1894б: 85–86].

И если, по мысли Ю. М. Лотмана, Петербург закулился – Петербург отчужденный, вытесненный из символического (и часто из географического) пространства идеального города, то, по мысли Животова, Петербург – соткан из нелюдей, вытесненных из социальной жизни столицы. Именно они, не-люди, управляют городом, диктуют правила его жизни: *Городское управление не сдаёт здесь никому мест для стоянки, но лихачи на резине по особым соглашениям с господами городскими и дворниками, устроили монополию и завладели местами* [Животов 1894а: 13], *Если бы владельцы экипажей знали, как тонко кучера изучили их жизнь и «дела», как громко и без церемоний они повествуют о самых сокровенных тайнах и интимных подробностях жизни их господ* [там же: 33–34]. Петербург идеальный оказывается во власти Петербурга реального.

Таким образом, в своих очерках жизни низов Петербурга Животов стремится воссоздать миф о двоимирии столицы: Петербурге парадном, сценическом и непарадном, закулисном. Однако в самом тексте выражена другая стратегия нарративизации городского пространства. С одной стороны, Петербург действительно расположен концентрически: идеальный европейский город сосредоточен в центре, реальный город располо-

жен на окраинах. С другой стороны, изменение социальной роли позволяет перемещаться по городу не в горизонтальной, а в вертикальной плоскости, оказываться в местах «низа», находясь в культурном ядре города, и наоборот: надев маску, преодолеть границу и оказаться выброшенным в плоскость идеального города. Петербург предстает динамичным и проницаемым, поскольку в его основе лежат не пространства статики – площади, но пространства движения – улицы, бульвары, каналы, которые сталкивают и вмещают в себя три Петербурга: географический, социальный и символический.

Примечания

¹ Очерки, репортажные очерки, расследования – такую палитру жанров выбирают исследователи при описании цикла «Петербургские профили» Н. Н. Животова. Настоящая работа не ставит целью выделить жанровые признаки рассматриваемых текстов ввиду их синкретичной природы, а потому анализируемый цикл работ для удобства называется очерками.

² В работах западных исследователей это явление обозначается термином *The Urban Journalism*. В русскоязычной традиции в отношении этого аспекта журналистики существует терминологическая неопределенность, требующая пристального внимания исследователей. В этой работе мы будем пользоваться понятием «журналистика городских исследований».

Список литературы

Абашев В. В. Освоение городского пространства в урбанистически ориентированных сетевых изданиях 2010-х гг. // *Медиа в современном мире*. 58-е Петербургские чтения: сб. материалов Междунар. науч. форума: в 2 т. (Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2019 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2019. Т. 1. С. 187–189.

Животов Н. Н. На извозничьих козлах. Трое суток в роли извозчика // *Петербургские профили*: в 4 вып. СПб.: Типо-Литография А. Вивеке, Екатеринбургский просп. № 1, 1894а. Вып. 1. С. 1–39.

Животов Н. Н. Среди бродяжек. Шесть дней в роли оборванца // *Петербургские профили*: в 4 вып. СПб.: Типо-Литография А. Вивеке, Екатеринбургский просп. № 2, 1894б. Вып. 2. С. 43–88.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.

Непарадный Петербург в очерках дореволюционных писателей / сост. Н. Свечин, В. Введенский, И. Погонин. Litres, 2022. 188 с.

Рейтблат А. И. Животов Николай Николаевич // *Русские писатели. 1800–1917*: Биограф.

словарь: в 5 т. / под общ. ред. П. А. Николаева. М.: Бол. рос. энцикл., 1992. Т. 2. 623 с.

Сонина Е. С. Забытые авторы журналистских расследований России конца XIX – начала XX века // Век информации. 2016. № 2. С. 215–218.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.

Шмидт Н. В. Городской текст в поэзии русского модернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 17 с.

References

Abashev V. V. Osvoenie gorodskogo prostranstva v urbanisticheski orientirovannykh setevykh izdaniyakh 2010-kh gg. [Urban spaces in urbanistically-oriented online publications of the 2010s]. *Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniya* [Media in the Modern World. The 58th Petersburg Readings]: Proceedings of the International Scientific Forum; in 2 vols., St. Petersburg, April 18–19, 2019. St. Petersburg University Press, 2019, vol. 1, pp. 187–189. (In Russ.)

Zhivotov N. N. Na izvozchich'ikh kozlakh. Troe sutok v roli izvozchika [On a coachbox. Three days as a coachman]. *Peterburgskie profili* [Petersburg Profiles]: in 4 issues]. St. Petersburg, Typolithography House of A. Viveke, 1894a, issue 1, pp. 1–39. (In Russ.)

Zhivotov N. N. Sredi brodyazhek. Shest' dney v roli oborvantsa [Among the vagabonds. Six days as a ragamuffin]. *Peterburgskie profili* [Petersburg Pro-

files]: in 4 issues. St. Petersburg, Typolithography House of A. Viveke, 1894b, issue 2, pp. 43–88. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [The History and Typology of Russian Culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2002. 768 p. (In Russ.)

Neparadnyy Peterburg v ocherkakh dorevolutsionnykh pisateley [Plain Petersburg in Essays by Pre-Revolutionary Writers]. Comp. by N. Svechin, I. Pogonin V. Vvedenskiy. Litres, 2022. 188 p. (In Russ.)

Reytblat A. I. Zhivotov Nikolay Nikolaevich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers 1800–1917: Biographical Dictionary]: in 5 vols. Ed. by P. A. Nikolaev. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ., 1992, vol. 2. 623 p. (In Russ.)

Sonina E. S. Zabytye avtory zhurnalistskikh rassledovaniy Rossii kontsa XIX – nachala XX veka [The forgotten authors of investigative journalism in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Vek informatsii* [Information Age], 2016, issue 2, pp. 215–218. (In Russ.)

Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury. Izbrannye Trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003. 616 p. (In Russ.)

Shmidt N. V. *Gorodskoy tekst v poezii russkogo modernizma. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk* [Urban text in the poetry of Russian modernism. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 17 p. (In Russ.)

Three Petersburgs. Urban Space in Role-Playing Reportage Essays by N. N. Zhivotov

Anastasija O. Cheranovskaja

**Postgraduate Student, Lecturer in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. CheranovskayaA@yandex.ru

SPIN-code: 6560-9910

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2926-5427>

ResearcherID: JMR-3949-2023

Submitted 13 Nov 2023

Revised 17 Dec 2023

Accepted 11 Jan 2024

For citation

Cheranovskaja A. O. Tri Peterburga. Gorodskoe prostranstvo v rolevykh reportazhnykh ocherkakh N. N. Zhivotova [Three Petersburgs. Urban Space in Role-Playing Reportage Essays by N. N. Zhivotov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 2, pp. 166–173. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-166-173. EDN TJGGLH (In Russ.)

The article considers the representation of the image of Petersburg in the journalistic texts written by N. N. Zhivotov, a columnist and writer of the late 19th century. The research material is role-playing reportage essays from the cycle of essays *Peterburgskiye profili* (Petersburg Profiles). In the essays, the author introduces readers to urban everyday routine, namely marginal professions and places of Petersburg. The methodology of the research is based, on the one hand, on the tradition of studying texts dedicated to Petersburg (the so-called Petersburg Text), on the other hand, on the study of urban journalism. The article attempts to identify the genre specificity of the considered texts and justifies their belonging to the genres of urban muckraking journalism. The study identifies three ways of representing the city: geographical, social, and symbolic. The geographical aspect reflects the geographical space, which is expressed in the exact location of urban objects in space as well as the wide use of official and folk toponymy. Petersburg is presented as a concentrically organized city: the central part of the city refers to its 'ideal' embodiment, while the periphery – to the 'real' one. The social aspect reflects the social space of the city, which is constructed by changing the author's social role. The author's perception of Petersburg forms an additional vector of urban space. The essay characters do not have a clear connection to the center or periphery of the city; their movements between the 'real' and 'ideal' Petersburg are determined by a change of their social role. Finally, the symbolic aspect is the symbolic space of Petersburg, which is represented by the theme of the characters' immortality. This theme can be considered as a realization of the eschatological myth of Petersburg. The distinguishing of the three aspects in constructing the city's image gives understanding of narrative strategies of depicting the space of Petersburg by a citizen of the late 19th century.

Key words: N. N. Zhivotov; image of the city; Petersburg Text; urban text; urban muckraking journalism; urban journalism.